

Помимо проигранной битвы больше всего
страданий приносит битва выигранная.

*Герцог Веллингтон, после битвы
при Ватерлоо, 1815 год*

У витрины парикмахерской остановился пьяница, пальцем нарисовал что-то на грязном стекле и сразу юркнул в проулок.

Уже стемнело, в воздухе запахло дымом.

Я подошел, зажег спичку и оглядел кривые символы — явно некий адрес. Подумав, что Белфорд решил меня таким образом разыграть, я переписал послание в блокнот и вернулся к официанту, который забирал с блюда оставленную мной оплату.

— Вы знаете, где это?

— Здесь, в Кройцберге¹, — кивнул он. — В конце улицы поверните направо, потом еще раз направо, затем идите прямо.

Через десять минут я нашел нужную улицу и, вглядываясь во мрак по сторонам, принялся за поиски дома. Вскоре отыскал и его. Почти как все здания в округе, небольшое двухэтажное строение из красного кирпича

¹ *Кройцберг* — в описываемое время округ, ныне один из районов Берлина.

ухитрилось выстоять, упрямо сопротивляясь законам физики. Дыры от бомб на узком фасаде были закрыты картоном, нестругаными досками и листами жести. Пустые окна заклеили несколькими слоями плотной бумаги.

Я постучал в дверь, и она сама по себе открылась.

В коридоре на полу лежала навзничь нагая женщина. Коврик под ней смялся — вероятно, когда ее затаскивали в дом. С широко раскинутыми конечностями — словно рисовала ангела на воображаемом снегу — она походила на поломанную куклу.

Я подошел и опустился перед ней на колени, чтобы проверить пульс. Кожа под моими пальцами оказалась холодной. Тело женщины покрывали огромные синяки, раны и царапины. При тусклом свете горящей в жестяной банке свечи я заметил, что ноги у трупа темнее туловища, а ступни покрыты запекшейся кровью, белой краской и грязью.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул я по-немецки, заглядывая на второй этаж.

В ответ — тишина.

Я поднялся по скрипучим ступеням и оказался в маленькой комнатке без дверей. За крошечным столиком с медными часами и масляной лампой сидела девочка, увлеченно рисуя на картонке. Помимо стола в помеще-

нии были только комод, большая кровать с горой одеял и пара полок на стенах.

— Привет! Я Джейкоб, — представился я.

Девочка спокойно повернулась и ответила:

— Я Лиза. Вы же меня не обидите?

— Нет, конечно. Ты тут одна?

— Да.

— А родители где?

— Мама еще не вернулась. Раньше у нее был велосипед, но недавно его забрали солдаты. Папа во Франции, на войне.

— Во Франции?

— Ага. На следующей неделе я выхожу замуж за мальчика по имени Карл. Хотите, его покажу?

Я мельком взглянул на детский рисунок, изображавший человечка с ворохом ярко-оранжевых штрихов вместо волос.

— Красивый. Ты знаешь тетю, которая лежит в коридоре внизу?

— Она спит.

— Верно, спит. Она живет здесь, в этом доме?

— Нет.

— Ты никогда ее раньше не видела?

— Нет. Где-то час назад я услышала шум внизу и спустилась. Тетя заснула на полу. Наверное, очень устала.

Я взглянул на наручные часы и уточнил:

— Она лежит там уже час?

— Да.

Я достал из кармана шоколадный батончик и положил на стол.

— Вот, держи. Послушай, мне нужно найти телефон.

Девочка схватила лакомство и внимательно оглядела.

— Можно съесть прямо сейчас?

— Конечно.

Она развернула обертку и тут же проглотила шоколадку. В Берлине я прожил уже три недели, но меня все еще поражало то, с каким лихорадочным остервенением побежденный народ, невзирая на возраст и социальный статус, поглощает все съестное, что оказывается в его распоряжении. На оперном концерте, который я посетил несколькими днями раньше, — сложно вообразить, как подобное мероприятие могло состояться в разрушенном городе, — в антрактах немцы перекусывали корками хлеба. До чего странное зрелище! Множество челюстей двигались одновременно, словно люди синхронно жевали резинку.

— Мне нужно, чтобы ты осталась здесь и ждала маму, — велел я девочке. — И сделаешь еще кое-что? Если она вернется раньше меня, попроси ничего не трогать внизу.

Лиза кивнула.

Собираясь на интервью, я захватил с собой фотоаппарат, с помощью которого теперь

сделал несколько снимков тела. Вспышки пронзили тьму. Погибшая показалась мне еще моложе, чем при первом взгляде: она едва перешагнула порог совершеннолетия. Я заметил на правой щеке родимое пятно размером с монетку, почти неразличимое из-за синяков.

Снаружи шел дождь. Мокрый мощный тротуар блестел и напоминал змеиную чешую. Дойдя до конца улицы, я огляделся и понял, что нет никакой надежды найти поблизости телефонную будку, а почтовые отделения давно закрылись. Я направился обратно и посмотрел на время: половина одиннадцатого, значит, начался комендантский час.

Миновав мост через реку, я прошел еще немного, и тут из темноты меня окликнул голос. Одновременно в лицо ударил луч света. Я не понимал русской речи того, кто держал фонарик, но догадался, что мне велят не двигаться. Щурясь от яркого света, я поднял руки над головой и замер. Меня окружили трое солдат с суровыми лицами и автоматами. От них воняло хозяйственным мылом и сигаретами. Вероятно, парни были примерно моего возраста, однако у них в глазах застыла мрачная тоска людей, которые в своей жизни повидали столько, что хватит на десятилетия вперед.

— Я американец. Журналист, — сообщил я, прикрывая глаза ладонью.

Парни тупо таращились на меня. Тогда я осторожно сунул руку в нагрудный карман и достал журналистское удостоверение.

— Пресса. Американец, — проговорил я медленно и четко, поднимая документ.

Один из солдат бросил на удостоверение равнодушный взгляд, что-то сказал двум другим, затем сорвал с моего плеча сумку и начал в ней рыться.

— Произошло убийство, — сказал я. — Я нашел тело в...

Солдат что-то мне рявкнул, после чего показал содержимое моей сумки товарищам.

— Осторожнее, там фотоаппарат. Sprichst du Deutsch?¹

Он ткнул мне в живот стволом автомата и жестом велел следовать за ним.

— Куда вы меня ведете? — двинувшись вперед, спросил я и вновь не получил ответа.

Тяжелые сапоги солдат загрохотали по булыжнику — мы пересекали небольшую площадь, направляясь к военному грузовику. Парень с фонариком запрыгнул в кабину, а двое других велели мне забраться в кузов и сели по обе стороны от меня.

— Я не знал, что забрел в ваш сектор, — объяснил я, когда грузовик тронулся. — Мне нужен был телефон, чтобы позвонить

¹ Ты говоришь по-немецки? (нем.)

в полицию. На другом берегу, в Кройцберге, убили девушку.

Прижав автоматы к груди, солдаты закурили, не обращая на меня никакого внимания. Один что-то проговорил, указав вдаль, другой на это лишь пожал плечами. При каждой затяжке тлеющие кончики сигарет на мгновение освещали небритые щеки солдат.

Минут десять спустя грузовик остановился перед шлагбаумом. Из белой будки вышел охранник и перекинулся с водителем парой фраз. Один из солдат вытолкнул меня из кузова на землю; через мгновение рядом упала моя сумка, ее содержимое рассыпалось по дороге. Я начал собирать свои вещи, а грузовик устремился во тьму. Из-за шлагбаума вышли два охранника и повели меня в здание, расположенное в конце дорожки, по обе стороны которой стояли высохшие деревья — подпиленные стволы делали их похожими на гигантские огрызки карандашей. Наконец мы пришли в комнату с решеткой на единственном окне и одинокой лампочкой на потолке. На стене висел портрет Сталина, а в углу торчала чугунная раковина с потрескавшейся эмалью.

Бросив взгляд на переполненную пепельницу на столе, я сел на один из стульев, закурил и проверил свои вещи: ничего не пропало и не сломалось, даже фотоаппарат и вспышка были целы.

Я успел выкурить половину сигареты, когда дверь открылась и в комнату вошел невысокий худощавый офицер лет сорока с небольшим. У него был широкий лоб, выступающие скулы и бледная кожа. Не проронив ни слова, он сел за стол. За ним последовал солдат и встал по стойке смирно в углу, направив на меня автомат.

— Документы, — потребовал офицер по-немецки, не глядя на меня.

Я протянул удостоверение. Он внимательно его изучил, затем положил перед собой на стол.

— Выверните карманы. И сумку тоже.

— Это обязательно? Я американский журналист и...

— Сейчас же!

Поднявшись, я вытащил из карманов, а затем и из сумки все содержимое: бумажник, сигареты, зажигалку, спичечный коробок, немного мелочи, два блокнота на спирали, фотоаппарат, ручку, ключи от съемной квартиры, две шоколадки и десятицентовик, который носил с собой на удачу. Разложенные на столе убогой комнатухи, при тусклом свете, мои личные вещи казались чудом уцелевшими останками некоего затерянного мира.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Садитесь. А вы хорошо говорите по-немецки.

— Вы тоже.

— Урожденный американец или иммигрант?

— Родился и вырос в США. Родители — немцы. И я изучал немецкий в университете. Именно поэтому меня сюда и направили.

— В каком городе проживаете?

— В Чикаго, штат Иллинойс. Я пишу для газеты «Трибьюн».

— Я знаю, в каком штате находится Чикаго, и слышал о вашей газете. В двадцатые годы учился в Гейдельберге¹. С какой целью вас направили в Берлин?

— Чтобы взять интервью у военного.

— Немецкого?

— Нет. Американского. У майора Глена Белфорда.

— Тогда зачем послали журналиста со знанием немецкого?

— В этом не было особой необходимости. Просто начальство решило, что владеющему языком легче передвигаться по стране.

— Ваше удостоверение не позволяет нарушать комендантский час. Что вы делали в нашем секторе ночью, да еще с фотокамерой?

¹ *Гейдельберг* — город в Германии, где находится старейший и один из наиболее престижных университетов в стране.

Последующие несколько минут я объяснял, как забрел в советскую часть города, разыскивая телефон, чтобы вызвать полицию ввиду вероятного убийства. Мужчина внимательно слушал, делая пометки на листе бумаги. Все это время солдат в углу целился в меня из автомата, бессловесный и недвижимый.

Когда я закончил рассказ, офицер улыбнулся и уточнил:

— Пьяница, говорите?

— Да, я счел его пьяным.

— И вы без раздумий отправились по указанному адресу. С чего бы?

— Я предположил, что майор Белфорд меня так разыгрывает.

— Зачем ему вас разыгрывать?

— Не знаю, но вот уже третий раз он назначает со мной встречу, а сам не приходит.

— Итак, вы отправились по указанному адресу и обнаружили труп. С чего вы взяли, что девушку убили?

— Ее сильно избили. Возможно, также изнасиловали.

— В том доме находились люди? Вы с ними говорили?

— Была только маленькая девочка, которая ждала маму. Ребенок сказал, что не знает погибшую.

— Потом вы зашли в наш сектор в поисках телефона?

— Верно. Почта уже была закрыта, и я не заметил, насколько далеко забрел.

— В городе не так уж много телефонов-автоматов.

— Я не знал, как еще поступить.

— Вы могли бы, например, пойти домой и лечь спать.

— Я счел своим долгом сообщить о трупе в полицию. К тому же я журналист.

— Там неподалеку гостиница. Наверняка внутри есть телефон.

— Я не знал. Не ориентируюсь в том районе.

— Очевидно.

Несколько мгновений мы молча взирали друг на друга. Казалось, офицер что-то напряженно обдумывает, барабанил пальцами по столу. На его губах по-прежнему играла улыбка, но весьма натянутая.

— Послушайте, — наконец заговорил он, — я готов закрыть глаза на произошедшее и отпустить вас, но при одном условии: мне нужно проверить достоверность вашей истории. Отведите меня по тому адресу. Хочу сам убедиться, что вы не солгали. Наверняка тело все еще там.

— Может, вам стоит позвонить в немецкую полицию?

— Давайте сперва сами наведаемся в тот дом. Если вы сказали правду, я позвоню этим нацистам.

— Дом находится в американском секторе.

Мужчина усмехнулся:

— Мы всегда готовы при необходимости протянуть союзникам руку помощи. Подождите здесь немного, нужно все организовать. Я заметил у вас фотоаппарат. Вы делали снимки на месте преступления?

— Что? Нет, не делал.

— Хорошо. Можете забрать личные вещи.

Офицер вызвал небольшой взвод, и весь он набился в два грузовика: четверо солдат в полном боевом снаряжении, двое военных полицейских, сонный военный врач, которого словно только что подняли с постели, и журналист в сером плаще, вооруженный немецким фотоаппаратом «Лейка» и вспышкой. Помимо офицера, который меня допрашивал, никто больше не говорил ни по-немецки, ни по-английски, и всю дорогу мужчины болтали между собой на русском, не обращая на меня внимания.

Мы пересекли Александерплац и вскоре оказались в американском секторе. Улицы пустовали, с востока дул холодный ветер, от реки поднимались клубы пара.

После того как мы подъехали к зданию и выгрузились, офицер постучал в дверь, которую почти сразу отворила длинноволосая миниатюрная брюнетка. При виде советской

военной формы у нее задрожали губы. Офицер без разрешения вошел в дом. Я последовал за ним.

Труп девушки исчез.

— Где она? — спросил меня офицер.

— Была прямо здесь. — Я указал на пол. Он повернулся к брюнетке:

— Этот мужчина утверждает, что около получаса назад нашел здесь тело девушки. Вам об этом что-нибудь известно?

Внезапно из глаз женщины хлынули слезы. Несколько мгновений она молча рыдала, не всхлипывая и не вытираясь. Офицер протянул ей носовой платок. Промокнув глаза и нос, женщина попыталась его вернуть.

— Оставьте себе. Как вас зовут?

— Мария Экхарт. Я не понимаю, о чем говорит этот мужчина. Я вернулась домой пятнадцать минут назад. Должно быть, произошла какая-то ошибка.

— Тело было прямо тут, — повторил я. — Тело девушки. С короткими светлыми волосами. Совершенно голой. Спросите свою дочь, она ее тоже видела.

В тот же миг из темноты появилась Лиза. Она сжала руку матери и спряталась у нее за спиной. Затем робко выглянула.

— Это тот дядя, который дал мне шоколадку, — пропищала она, указывая на меня пальцем. — Джейкоб.

— Дверь была открыта, ффрау Экхарт, поэтому я взял на себя смелость войти. Меня зовут Джейкоб Хубер, я — американский журналист.

— Американец?

— Да.

— Я точно заперла дверь перед уходом, как делаю всегда.

— Ну, она была открыта. Возможно, ее взломали до моего появления.

— Если вы настаиваете...

Я улыбнулся Лизе, но та не ответила тем же.

— Ты помнишь тетю, которая спала здесь, в коридоре?

Лиза посмотрела на мать, затем прикусила верхнюю губу и покачала головой:

— Не помню.

— Но ведь ты мне говорила, что спустилась и увидела, как она тут спит. Совсем не помнишь?

Вдруг девочка резко развернулась и побежала вверх по лестнице.

— Что вы вообще забыли в моем доме? — требовательно спросила Экхарт.

— Долгая история. Я ничего не трогал, а лишь переговорил с Лизой минутой-две.

— Итак, ффрау Экхарт, вы вернулись домой пятнадцать минут назад, — вмешался офицер.